Поезда уходят в ночь по расписанию,

Избегая мимолетного касания,

Где над бездною звезд без дна;

Знать бы мне все их имена -

И помнить вкус без воздуха,

Без звука, и даже без дыхания.

Имена звезд без дна,

Без воздуха и без дыхания.

Поезда идут, груженые снарядами,

Где звезда гранатовая, виноградная;

Где весна бой ведет с песком,

Где ты услышишь удар виском -

И разлетятся на куски стеклом

Планеты ретроградные,

Стеклом, стеклом, стеклом...

Поездами шью обугленную летопись.

Я исчезаю в переплете огненных страниц.

Смотри же, это время снова сходит с рельс,

И стрелки мечутся, и мой экспресс

Уже стремится в тот – последний рейс,

Где мы с тобою встретились!

Мой экспресс сходит с рельс,

Стремится в тот последний рейс.

Мы встретились, уже стремится в рейс

«Марсианский экспресс»…

(С) Мельница

* * *

…Рейнбоу Дэш стоит в темной комнате и видит лишь хозяина, Алекса Вендара, что сидит и поглаживает рукой примостившегося возле кресла белого волка.

Зверь поглядывает на пегаску злыми глазами серо-стального цвета, но не делает попыток напасть и даже не скалится.

В комнате царит полумрак, а тусклая лампочка бросает на пол конус света так, что лица человека не видно. И не надо.

Рейнбоу Дэш, носившая в прошлой жизни прим-фамилию Вендар, почему-то не испытывает прежнего панического ужаса перед бывшим хозяином. Хотя крылья еще расправлены от страха и подрагивают: все же пегаска слишком хорошо знает, на что способен этот спокойный человек.

– Подойди ко мне, Дэши, – раздается строгий голос, заставляющий задумавшуюся пони вздрогнуть.

Сколько раз она слышала эти слова, всегда предваряющие наказание! Сперва ремень, потом палка, а в конце хлыст и насилие.

Но теперь страх вовсе не заставляет душу Рейнбоу Дэш уйти в копыта и там сжаться в маленький и незаметный комочек. Пони чувствует в себе силы бороться и упрямо вздергивает голову, что норовит виновато опуститься.

Отросшая радужная челка, сменившая короткий ирокез гривы, взлетает в этом волевом движении.

– Выйди на свет сам, – бросает Дэш.

Она вновь чувствует эйфорию от собственных непослушания и наглости.

Сказать такое хозяину в прежней жизни у нее отсох бы язык, но теперь именно со стороны Алекса Вендара воцаряется неуверенное молчание.

Рейнбоу Дэш, стоя на самом краю света, замечает, что взгляд белого волка как будто стекленеет. Да и вообще, очень уж неподвижно он сидит.

Понимание приходит подобно молнии: страшная зверюга – всего лишь чучело. Фальшивка. И всегда ею была.

– Что, боишься меня? – насмешливо спрашивает пегаска, расправив крылья от переполняющих чувств. – А может, того, что я уже не помню твоего лица?

Молчание продолжается, подпитывая восторженную браваду той, в чьей жизни Алекс Вендар занимал место персонального дьявола.

Сейчас же Рейнбоу разворачивается к бывшему хозяину обтянутым шортами крупом и, задрав хвост, делает пару игривых движений.

– Ну же! – оглядывается она с улыбкой. – Смотри, я здесь! Подойди и трахни меня, призрак несчастный! Что, не можешь?

Пони распрямляется и решительно идет к двери. Сердце, кажется, сейчас выпрыгнет из груди от восторга. Из-за раскрывающихся створок бьет ослепительный свет.

– Дэши? – предпринимает Алекс последнюю попытку, но прежней уверенности в голосе нет. И даже какая-то неясная… дрожь?

Рейнбоу оглядывается и бросает, не без удовольствия выделяя каждой слово:

– Пошел. Ты. К дьяволу!

За пони с резким стуком захлопывается дверь, и свет гаснет, оставляя Алекса Вендара во тьме…

* * *

…Рейнбоу Дэш резко открыла глаза и чуть не вскочила.

Но не от страха или застарелой боли, а переполняясь восторгом и легкостью.

Ее койка слегка раскачивалась от движения поезда, слуха по-прежнему достигал мерный перестук колес.

Нос щекотали обычные запахи древнего вагона: угольная печка, старые ковровые дорожки и вытертый кожзам, чай и табачный дымок: кто-то, похоже, курил в тамбуре. За окном медленно плыла бесконечная степь Мира Дорог, и все было, Дискорд побери, замечательно.

На поезд они успели, даже с учетом всех маневров с Ловчим.

Когда Рейнбоу вернулась в бани, оказалось, что для мышки и местных прошла всего пара минут, в то время как пони готова была поклясться, что шла через остатки песчаной бури несколько часов, не меньше.

Ловчий и впрямь решился поговорить с Гаечкой, хотя было явственно видно, что им обоим этот разговор дался нелегко. Мышка так вообще была уверена, что убийца идет за ней, но, хотя это и было правдой, причины и цели были совершенно иные.

Как выяснилось, он хотел попросить прощения и сказать то, что не успел в той реальности. При этом не набивался в попутчики, но Гайка все равно звала бывшего убийцу с собой.

Рейнбоу не спорила: ей стало как-то пофиг на то, что Мир Дорог если уж навязывает

очередного спутника, то не отделаешься. Гайка сама была тому ярким примером, хотя пони и не сказала бы, что жалела: еще неизвестно, удалось бы проделать весь путь в одиночку.

Но Ловчий сам с ними не пошел. Сказал, что у него своя Дорога, и был таков. Ушел в алый рассвет и вскоре исчез в туманной дымке, как и прошлые этапы Пути.

Дэш испытала облегчение. В том числе и потому, что Ловчий и Гайка были знакомы куда дольше, и это почему-то порождало в душе пегаски чувство неясного протеста и даже какой-то… ревности.

Правда, в одном Рейнбоу Дэш, бывшая Вендар, была уверена: этот разговор был нужен попутчице. Просто чтобы прошлое мышки начало отпускать ее так же, как и маленькую пони с обугленной душой.

Рейнбоу улыбнулась, вспомнив, как они с Гайкой потом остались поработать в бане. Действительно, все опасения радужной пегаски оказались напрасными: никто не приставал к ней. Клиенты бани, люди и нелюди, какие-то блеклые тени и даже вовсе непонятные существа, хотели одного: смыть с себя красную пыль.

И всегда вели себя вежливо и спокойно…

Пегаска тогда, обряженная в понячий вариант белого халата, раздавала полотенца и простыни, краснея и чувствуя себя полной идиоткой. Но, в конце концов, втянулась и даже стала вежливо улыбаться посетителям в ответ на благодарности и чаевые.

«Кто бы меня в таком прикиде увидел, решил бы, подменили», – подумалось Рейнбоу, но теперь от этой мысли лишь делалось смешно.

Так или иначе, путешественницам не пришлось запрыгивать в уходящий поезд. После довольно напряженного рабочего дня Гайка и Дэш сошлись во мнении, что отоспятся и отдохнут в дороге, благо Маргарет пояснила, что там есть купейные вагоны. Кроме того, в кассе принимают солты с побережья.

Вдобавок, хозяйка бань разрешила Идущим возможность набрать с собой воды и отдала ненужные ей и невесть как завалявшиеся солты в дополнение к паре еще каких-то странных восьмиугольных монет.

Рейнбоу Дэш вздохнула. Она до последнего ждала подвоха, но сейчас, в запертом купе, позволила себе расслабиться и отдаться каким-то новым чувствам.

Хотелось отдыхать и ничего не делать, и в то же время – прыгать и вопить от радости. Хотелось улыбаться солнцам этого мира, валяться на траве, плескаться в какой-нибудь речке или типа того…

Удивительным образом поднимал настроение ритмичный стук колес.

Рейнбоу и Гайка, покупая билет в кассовом «автоматоне выселоких восвоясей», не волновались по поводу схода с Пути. В начале путешествия их предупреждали о тщетности подобных попыток. Кроме того, дорога с потертым асфальтом и желтоватыми то ли кирпичами, то ли плитками, закончилась аккурат на станции. Посчитав это знаком, Гайка и Дэш купили билет в четырехместное купе. Двухместных не было, но кроме них пассажиров и так не оказалось: сидевшая там тень молча вышла на полустанке.

Когда полупрозрачный темный силуэт проходил мимо, Дэш почувствовала холодное дуновение, которое так и тянуло назвать «замогильным». Сквозь призрачные очертания просвечивала обстановка, но вот стоящий невдалеке проводник был совершенно не виден.

Подумалось, что это было бы пугающим, не встреться такие тени раньше, еще в бане Маргарет.

Как та рассказала, никто не знал, кто это такие. Они появлялись, исчезали, что-то делали, но никогда не говорили, не причиняли никому вреда, и никто не знал, что им нужно. За исключением случаев, когда тени что-то покупали или приносили на продажу, в коммерции обходясь языком жестов.

Поэтому большинство в Мире Дорог просто воспринимало теней как данность, вроде погоды или времени суток.

Дэш мимоходом вспомнила, что увиденный в первом встреченном городе вокзал тоже мог принимать поезда, и, возможно, следовало сесть там… Но потом пегаска отбросила эту мысль: тогда она не знала ни куда идет, ни зачем.

Если быть честной, она и сейчас-то это не очень представляла. Только в общих чертах.

Хотелось верить, что перевертыш и Олли тоже нашли какой-нибудь транспорт.

Расстояния же в этом мире относительного времени и пространства, похоже, не оплачивались. По крайней мере, на аппарате ничего такого обозначено не было – только количество билетов и класс обслуживания.

Видимо, предполагалось, что клиент при желании может хоть поселиться в выбранном поезде, или же существовали еще какие-то негласные правила.

Рейнбоу даже перестала этому удивляться: похоже, разум, отчаявшись найти логическое объяснение, просто смирился с данным фактом.

– Доброе утро, Дэши.

Пони вынырнула из воспоминаний и увидела Гайку, лицо которой свесилось с верхней полки.

– Утречка, – усмехнулась пегаска, – сто лет так не спала.

– На кровати? – удивилась мышка. – Но как же…

– Да нет, – Дэш поморщилась. – Просто… без опаски, что кто-то влезет в мое личное пространство, пока я сплю. Неважно, с какой целью: погреться, ограбить, сожрать или залезть в душу. Или же просто изнасиловать в темноте.

– Дэш… – Гайка слегка покраснела, видимо, вспомнив ночи под открытым небом.

– Забей, – перебила пегаска и потянулась. – Говорю ж, все путем.

– Откроешь дверь? – попросила мышка, улыбнувшись и беря в руки чистый платок, служащий полотенцем. – Я сбегаю умыться.

– Без проблем.

Дэш встала и мимоходом подумала, что не помешало бы и самой умыться и все такое, но было как-то лень. Она дотянулась до ручки двери, которая и для пони была расположена высоковато, не то что для миниатюрной мышки.

– Дэш, ты идешь? – позвала Гайка, спрыгнув с полки и проскользнув в коридор. – Дверь в туалет мне кто откроет?

«Судьба», – решила Рейнбоу и на пару секунд отвлеклась, чтобы достать зубную щетку и мягкое махровое полотенце, втихую спертое из бани Маргарет.

…Когда же с утренним туалетом было покончено, к ним в купе заглянул проводник. Пожилой, но крепкий дядька в синей форме и с пышными усами.

– Чаю? – осведомился он.

– Можно, – хором ответили Дэш и Гайка, после чего последняя добавила:

– Только мне в какую-нибудь посуду по размеру, найдется?

– Возможно, крышка от «Старого мехрена», – ответил проводник.

– Сойдет.

– И пожевать чего-нибудь, – сказала Дэш, протягивая дядьке квадратик в сколько-то солтов, – только без мяса.

– Хорошо, – проводник пригладил ус и взял картонку. – Скоро Тумстоун. Будем стоять минут десять. Так что ежели хотите погулять или сойти, будьте готовы.

– Мы до упора поедем, мне думается, – сказала Дэш и на всякий случай уточнила. – Доплачивать же не надо?

– Нет. Вы же купили билет, так что можете ехать, куда вам надо, – человек улыбнулся и вышел за дверь, чтобы заглянуть с тем же вопросом в следующее купе.

Скатав постель, Рейнбоу легла головой на свернутый матрац и посмотрела на Гайку, что сидела на столике у окна. С этой стороны в поезд светило красное солнце, но теперь даже его свет не казался пегаске зловещим.

Подумалось, что мышка очень красиво выглядит, когда сидит в таком освещении и расчесывает волосы.

– Чему улыбаешься? – вдруг спросила Гайка, и уголки ее почти человеческих губ тоже чуть приподнялись.

– Слушаю звук колес, – ответила Рейнбоу Дэш и сделала неопределенный жест копытом. – Такой… умиротворяющий… Прямо как музыка. Так и просится сделать ремикс.

Гайка не удивилась:

– Я слышала, что эквестрийские пони очень музыкальны. Редко встретишь такую, которая совсем не умеет ни играть, ни петь, ни танцевать.

Рейнбоу вспомнила свою группу, и на сердце потеплело. Как бы там ни было, именно музыка во многом помогала Дэш Вендар сохранять рассудок после того, как ее жизнь превратилась в ад.

– Может, споем? – осведомилась Гайка, и собеседница удивленно на нее уставилась:

– Чего?!

– Ну, почему бы не спеть чего-нибудь? Все равно делать нечего.

Дэш открыла уже было рот для возражений, но по всему выходило, что в дороге и впрямь нечего делать. Ничего почитать в поезде не оказалось, настольных игр у пони и мышки не было, а чистое стекло даже не оставляло шанса поиграть в крестики-нолики.

Только за окном плыла однообразная степь, иногда лишь являющая какие-то неясные образы в игре света и тумана. То ли постройки, то ли медлительные гигантские машины, а может, и существа.

– Ну прям, размечталась, – все же буркнула пони, почувствовав, что щеки слегка покраснели.

– Ладно… – Гайка сделала паузу, задумавшись и даже перестав расчесывать волосы. – Тогда мы можем, скажем, поиграть в города. Знаешь, как?

– Знаю, – фыркнула Дэш. – Европейский Гигаполис, Американский Гигаполис, Австралийская Аркология, Азиатская Аркология и гребаные руины в Африке. Все. Города кончились.

Гаечка только улыбнулась:

– Ты же наверняка знаешь города из книг по истории.

Пегаска, которая покраснела еще больше, скрестила на груди передние ноги:

– Не хочу. Дурацкая игра, как по мне.

Она старалась напустить на себя сердитый вид, но истинная причина крылась в том, что история никогда не была сильной стороной Рейнбоу. И за вечную путаницу в датах, названиях и персоналиях пони регулярно получала от Алекса Вендара ремнем по крупу. К счастью, уроков истории в ее обучении было относительно немного: хозяин гораздо больше времени уделял развитию физических данных воспитанницы и естественным наукам.

А Рейнбоу Дэш просто ненавидела проигрывать. Даже в каких-нибудь пустяках.

– Скажи, – спросила радужная пони, стараясь сменить тему, – что тебя заставило работать на мистера М?

– Что? – Гайка вскинула взгляд. – Ты ведь никогда…

Дэш пожала плечами:

– Просто хочу поддержать беседу. Ты когда говорила с Ловчим, я удивлялась, как два таких разных существа способны работать на эту мразь. И если с тем убийцей, в принципе, все ясно,

то с тобой не очень.

Гайка задумчиво закатила глаза:

– Ну… Мистер М, конечно, не ангел, но благодаря ему многие синтеты обрели какой-никакой, а способ выжить…

Дэш перебила, усмехнувшись:

– Да уж, насмотрелась! Как думаешь, много ли альтернатив у пони, которая за тяжелые побои на арене получает спальное место в бараке, дрянную жратву из пакетика и немного денег, на которые даже напиться нельзя? Конечно, она не рабыня и вправе уйти. Но куда? Ее чип пожелтеет через неделю, а работу она вряд ли найдет. Или у другой, которую кормят получше, одевают и лечат, но тело которой продается любому желающему? Думаешь, ей есть куда пойти со своим зеленым чипом? Или, может, думаешь, что официантки те же в «Пони-Плее» на одну зарплату прожить могут, без чаевых и «особых» услуг? Так что да, эти синтеты буквально боготворят Мауса, который дал им еду и кров…

…Клуб Пони-Плей. К Рейнбоу Дэш Вендар рядышком подсаживается старшая подруга, тоже Рейнбоу Дэш, но с прим-фамилией Хоул.

– Привет, малявка, – говорит пони, устало плюхаясь на диван. – Что надутая такая?

– Да ну, – машет копытом юная Дэш, и даже привстает от возмущения, – третьего человека уже отшила. И чего они хотят все от меня, а?

– Известно чего, – усмехается Хоул и слегка шлепает крылом младшую пегаску, – добраться до упругого крупа свеженькой Рейнбоу.

Та резко отстраняется и снова устраивается на диванчике:

– Я им не кусок мяса!

На мордочке старшей Дэш появляется усмешка.

– Тем не менее…

– Только вот избавь меня от нравоучений! Я что, похожа на… – Дэш Вендар мотнула головой в сторону танцующей у столба почти неодетой Пинки Пай, – вот этих?

Дэш Хоул поджимает губы и говорит враз посерьезневшим голосом:

– Тебе не стоит их осуждать.

– Почему это? – ершится Вендар. – Я спрашивала, их никто не заставляет этим заниматься! Тем более с людьми, фу!

– Подумай, какие есть альтернативы у тех, кто не умеет драться, все профнавыки имеет эквестрийские, и у кого нет любящего хозяина, который платит за их содержание, экипировку и обучение.

Молодая пони хочет было возразить в своей обычной манере, но уже готовые сорваться с языка слова вдруг теряются. А ведь действительно, Алекс никогда не поднимал вопрос, сколько он тратит на содержание и воспитание ее, Рейнбоу Дэш. А ведь наверняка немало: пегаска никогда не голодала, не ходила в обносках и всегда имела все необходимое для жизни и даже сверх того. И могла полностью сосредоточиться на тренировках, таким образом.

– Ага, осознала, – фыркает Хоул. – Не презирай тех, кто сталкивается с проблемами, которые тебе и не снились.

– Все равно это неправильно… – бурчит Вендар уже из чистого упрямства.

Дэш Хоул грустно вздыхает:

– Я это всю жизнь повторяю, меня никто не слушает… Я ведь тоже такая, ерзик, ты знаешь. Скажешь, и я поступаю неправильно? Я сплю с твоим хозяином, и он мне за это платит, помнишь? И на арену я выхожу иногда размять старые кости. Хотя типа уже не обязана.

Младшая Рейнбоу только еще больше дуется и скрещивает копыта на груди.

Хоул треплет крылом по яркой радужной челке и смеется, но молодая пони выворачивается из этой ласки и говорит довольно резким тоном:

– Даже если Алекс вышвырнет меня на улицу, я никогда, слышишь, никогда не унижусь до верчения крупом у столба и задирания хвоста за деньги, ясно?

Она отлетает в сторону гримерок, а Хоул смотрит ей вслед и говорит, хотя Дэш Вендар не может уже ее слышать:

– Очень надеюсь, что тебе не придется делать этот выбор, ерзик. Никогда.

– …так же как я боготворила Алекса… – закончила Дэш свою мысль, моргнув от пришедших воспоминаний, в которых четко расслышала то, что ускользнуло от внимания в прошлой жизни.

Она вздохнула, не меняя позы. Даже подумала было, что зря начала этот разговор, но все же решила продолжить:

– Думаешь, помыслы крысюка беленькие, как его костюм? Так знай, он переоформил малышку Скут на Алекса Вендара. Просто по его просьбе. Для того чтобы взращивать мою жестокость к другим. Ту, которую я бы выплескивала на Арене. А Маус и Алекс гребли с этого барыши.

Гайка нахмурилась. На мультяшном личике это смотрелось даже мило.

Наконец, она сказала:

– По крайней мере, ему не служат псы, которые без колебаний сожрут разумное существо.

Дэш вздохнула. А она-то себя считала наивной!

– Да ты что? – спросила пони. – Сколько раз была рядом с ним и ни разу не видела Плуто?

Гайка возразила с совершенно искренним возмущением:

– Плуто страшный, но никогда бы не съел разумное существо! Да он книги читает и в шахматы играть умеет!

Рейнбоу кивнула:

– …Что не мешало ему поужинать тем фурри-волком, который хотел прижучить Мауса в его же постели. Кажется, из-за какой-то аферы в гетто, когда мохнатые остались с носом и проблемами, а мистер М вышел сухим из воды.

– Почему тогда не остается никаких следов? Объедков, наконец?

– Потому что Плуто – натуральный ксеноморф и сжирает жертву вместе с костями, волосами и тапочками. Удивительно, что это я тебе объясняю, а не наоборот. Ты столько следила за другими, что не оставалось времени на своего шефа?

Гайка замолчала, шокированная.

– Какая же я дура… – сказала она, наконец.

Вид у нее был расстроенный, и Дэш почувствовала укол совести, что начала этот неприятный разговор в такое прекрасное утро. Но, с другой стороны, Ловчий своими действиями и разговорами пробудил любопытство, и раз уж Гайка нашла в себе силы быть откровенной с этим убийцей, то чего теперь-то…

Дэш было подумала, что мышка расплачется. Но нет, голубые глаза оставались сухими, только появилась в них грустная искорка, а между бровей под коротенькой шерсткой стала заметна задумчивая морщинка.

Надо было бы разрядить обстановку, но Рейнбоу все же спросила другое:

– А все же… Как ты попала к Маусу?

Гайка невесело усмехнулась:

– Меня принесли.

– Это как так? Силой?

Мышка вздохнула и вдруг немного грустно улыбнулась.

– Да не. Дело было так…

…Гайку вышла провожать половина общины.

Добрая мышка не знала, но кротким и отзывчивым нравом, храбростью и умом покорила немало сердец и вызвала множество симпатий. Хотя в тот момент она ничего не видела перед собой, кроме своего растревоженного по новой горя, и, скупо попрощавшись, ушла «наверх».

Гайка сидела на ажурных конструкциях маглевного моста и смотрела в недосягаемую высоту Шпилей, размышляя о том, что будет делать дальше. Весь ее нехитрый скарб помещался в рюкзачке за спиной, а перспективы как-то не вырисовывались.

Сейчас, когда эмоции схлынули, хотелось более конкретных идей, но в голову как-то ничего не приходило.

Вдруг мышка почувствовала движение и собралась уже было среагировать, но было поздно:

кто-то схватил ее за плечи и моментально поднял над городом на огромную высоту.

Задрав голову, бывшая сталкер увидела, что ее несет в лапах довольно большая летучая мышь. Глаза синтета скрывали темные очки, а в ушах (немыслимое дело!) торчали наушники-клипсы.

– Что Вам надо?! – прокричала Гайка. – Кто Вы?

– Я Бэтти, – представилась летучая мышь. – Мистер М хочет с тобой поговорить, мышка-тень.

– Что? Отпустите меня немедленно!

– Как скажешь, – улыбнулась Бэтти, и в следующий момент Гайка почувствовала, что начала падать.

Не успев как следует испугаться, мышка снова ощутила когтистые лапы, впившиеся в плотную курточку.

– Дурацкие бородатые шуточки, – буркнула Гайка, переведя дыхание, затем спросила. – А кто такой Мистер М?

– О, – улыбнулась летучая мышь. – Это тот, кто тебе сейчас нужен. Добрый волшебник Изумрудного города…

…Выслушав предложение антропоморфного мыша в белоснежном костюме в первый раз, Гайка отказалась работать на него. Потому что вежливый почти до слащавости мистер М вызвал у нее четкую ассоциацию с Толстопузом.

Так она ему и сказала.

Микки Маус на это вполне искренне возмутился:

– Попрошу без аналогий! Я не гангстер какой-нибудь! Я честный бизнесмен и помогаю синтетам, что попали в беду по воле жестоких хозяев.

Гайка, стоя на столе перед ним, скрестила руки на груди:

– Попридержите свой сладкий тон для кого-нибудь другого, мистер. Можете считать меня старомодной, но я лучше буду умирать от холода и голода, чем решу работать на такого «славного парня» как Вы.

Маус придал себе задумчивую позу и сказал уже более спокойно:

– Мне известна твоя история, Гаечка Коннорс. И знаешь, если бы у меня были чьи-то глаза в той усадьбе, какая-нибудь мышка-тень, что успела бы предупредить меня о трагедии… Вполне вероятно, что гораздо больше маленьких друзей сумело бы спастись.

Гаечка дернулась как от пощечины, а затем у нее в глазах вспыхнул угасший было гнев:

– И кто же вам тогда рассказал об этом? Хозяин усадьбы, что покупал синтетов для забавы своему сыну-садисту? А может, Роско и Десото поделились своими наблюдениями, когда доедали останки моих друзей?

Мистер М остался спокоен:

– Ты сама рассказала эту историю в мышиной общине. А уже там-то у меня уши и глаза есть. И почему меня вечно подозревают невесть в чем?.. Я не сотрудничаю с синтетами, которые готовы убивать и жрать сородичей ради верности людям.

Гайка хотела что-то сказать, но замялась. Все это походило на хорошо поставленный удар ниже пояса, но придраться было не к чему. Лишь только стоило представить, что трагедию в парке Фитцжеральдов можно было предотвратить…

При мысли об этом на глаза снова навернулись слезы.

Джерри мог быть рядом с ней. Настоящий, добрый и заботливый, а не эта подделка-Статли…

Мистер М тем временем развил свою мысль:

– Так вот, я хочу, чтобы случаев подобных твоему было как можно меньше. Но для этого мне нужны зоркие глаза и чуткие уши. Там, где это нужно и когда это нужно. Я еще раз прошу прощения за столь эксцентричный способ доставки тебя ко мне в гости, но ты не пленница и можешь уйти, когда захочешь. Бэтти отнесет тебя туда, куда ты скажешь. Решение за тобой. Можешь даже подумать пару дней, только постарайся не попасться хищникам или еще кому…

…Гайка тогда и вправду решила подумать. Окончательную точку в ее размышлениях поставила благотворительная столовая, где Гайка обедала несколько дней после ухода от Мистера М. Все было прекрасно, но, случайно или нет, мышка наткнулась на знак синдиката «Синтезис». Того самого, который спонсировал эту не слишком изысканную, но зато почти бесплатную еду для бесхозных синтетов.

На коробки с продуктами была нанесена эмблема в виде силуэта средневекового замка, на котором красовались три буквы «S». Но главное, в основании этого своеобразного знака спонсора виднелась уже виденная раньше литера «М».

Точно такая же, как у Микки Мауса на запонках и заколке галстука. А еще – на лацкане

пиджака в виде золотого значка…

– …Так вот я и стала глазами и ушами мистера М, – закончила Гайка рассказ. – Мне очень хотелось, чтобы моя трагедия ни с кем больше не повторилась всего лишь по той причине, что синтеты просто не знали, к кому обратиться за помощью.

Дэш покачала головой:

– Да… Как говорят люди, «самым лучшим фокусом Дьявола был тот, что он убедил весь мир в своем отсутствии»… А из-за этого Ловчего трагедии стали только множиться.

Гайка вздрогнула, но все же возразила:

– Ловчий не приходил убивать синтетов, которые ничем не досадили мистеру М.

– Повторяй это по утрам и, может быть, перестанешь, наконец, себя казнить, – сказала Дэш, но тут же пожалела об этом, когда голубые глаза мышки наполнились непрошенной влагой.

Хотелось сказать что-то ободряющее, но ничего не приходило в голову.

Неожиданно в дверь постучали. Рейнбоу впустила в купе проводника, который поставил на столик небольшой поднос.

Носов коснулся аромат гречневой каши с овощами и специями, разогретых бутербродов с сыром. Плюс ко всему, на подносе стоял исходящий паром чайник, большая кружка и, главное, бумажная коробочка с рафинированным сахаром.

– Спасибо, – благодарно Гаечка, – как раз то, что нужно.

– На здоровье, – отозвался человек. – Если захотите еще, мое купе в начале вагона.

– Благодарствуем, – сказала Дэш, приподнимая крышку с керамического горшочка и с удовольствием втягивая аромат горячей пищи. – М-м, вкуснятина…

Вскоре обе путешественницы отдали должное завтраку. Гайке, правда, приходилось пользоваться импровизированными приборами вроде обрывка плотной фольги в качестве тарелки и расщепленной спички в качестве вилки. Но она не жаловалась: было не впервой так импровизировать.

– Гайка, – позвала пони, когда тарелки малость опустели.

Мышка подняла взгляд, и пони мысленно отругала себя за случайно вытащенных на свет очередных призраков прошлого.

– Ты не подумай, – сказала Рейнбоу, – Я далека от того, чтобы тебя обвинять.

– Правда?

– Честное слово. Белый крыс – та еще хитрая гнида, а ты иногда еще наивнее, чем поняшки из Эквестрии.

– Ну, спасибо, – фыркнула Гайка, но губы ее тронула легкая улыбка.

После этого обе вернулись к завтраку.

Здесь, в поезде посреди залитой алым светом бескрайней степи, обед казался чем-то особенным. И тепло пищи как будто согревало не только тело, но и саму душу.

Дэш мысленно скривилась от этой мысли, но все равно, какая-то романтика в этой поездке, определенно, была. Почти такая же, как тогда, в другой жизни, когда Дэш сбежала от хозяина и жила бродячей жизнью где-то в трущобах бывшей Франции…

…Прошло уже много дней свободы.

Дэш приземлилась на крышу и бодро поцокала к возведенной возле недостроенной вентиляционной шахты лачуге. Сегодня был удачный день: целых три посылки, и на второй пегаску угостили настоящим горячим супом в качестве приятного бонуса к оплате. И хотя в густом вареве и была, помимо довольно вкусных капусты и картофеля, всякая гадость типа крысиного мяса или кусочков лежалой кожи, Рейнбоу не привередничала: наваристая, горячая еда была очень кстати в районе, где поесть даже за деньги удавалось через раз.

Хотя мясо на всякий случай пони оставила в тарелке: усваивалась такая пища крайне плохо.

И все равно это было лучше сытой жизни у хозяина.

Рейнбоу улыбнулась этой мысли. Флаера у Алекса не было, а попасть к ее убежищу иначе, чем прилететь, было бы очень и очень сложно. Нелетающего гостя ждал бы подъем по ажурным конструкциям на полтора десятка этажей безо всяких намеков на лестницы и лифты.

Подлетающую машину зоркий глаз пегаски приметил бы запросто.

И это при том, что Алекс каким-то образом сумел бы вычислить, куда улетела Дэш. А найти одну-единственную пегаску в таком городе как Европейский Гигаполис было делом безнадежным.

Тем более что Рейнбоу, еще до того как осела в Дыре, «перебила» чип, и теперь была совершенно неотличима от толпы. Вот только индивидуальных сканеров, запрашивающих персональную информацию чипа, следовало опасаться: неактивный сигнал сразу выдавал беглянку.

Но в Дыре это не имело никакого значения.

На ужин у Дэш была набранная на пустыре охапка травы, а еще – полбуханки грубого хлеба и бутылка чистой воды. И главное – початая пачка рафинированного сахара, так нужного понячьему организму. Неплохой ужин для этого района, надо сказать. Даже роскошный, если учесть сахар.

Сейчас, летом, с едой проблем почти не было. Да и Дыра располагалась далеко от центральной части, в южных районах, и примыкала к загаженной территории бывшего Средиземного моря, так что зима обещала быть теплой.

Поужинав, Дэш перед сном вышла полюбоваться пейзажем ночного города. Отсюда, с высоты, феерия огней, увенчанная сияющим ореолом Шпилей, выглядела просто фантастически. В этот момент совсем не хотелось думать о том, что за мерзкие в большинстве своем создания населяют этот город…

Вволю надышавшись вечерней прохладой, Рейнбоу вернулась в лачугу и, накрыв очаг старой кастрюлей, с удовольствием зарылась в спальный мешок. Она еще в самом начале обменяла на него россыпь бытовой мелочевки, под горячее копыто прихваченной при побеге, и теперь даже не скучала по удобной постели в хозяйском доме.

Здесь, на крыше старой башни, под завывание ветра и легкое раскачивание всей конструкции, Дэш сладко уснула. Ей больше не снился Алекс Вендар, страхи отступили и забрали с собой всю боль…

Тогда она еще не знала, что свободе вскоре придет быстрый и трагический конец, и пегаска снова окажется в неволе, в руках жестокого хозяина…

– Да, – вздохнула Дэш, откидываясь на спину и положив копыто на живот, – вот такой путь мне по душе: движемся себе и движемся, и не приходится идти ногами.

Она с удовольствием отогнала последние мысли об Алексе Вендаре, хотя те уже не заставляли сердце сжиматься в ужасе.

– Справедливости ради, – заметила Гайка, – следует заметить, что нас уже подвозили разок. В самом начале пути.

– Пофиг, – отмахнулась пони, – раз уж меня лишили неба, пусть хоть так.

В ритмичный стук колес вмешался посторонний звук: металлически громыхнуло, заскрежетало, и поезд стал ощутимо терять скорость.

Предупрежденные проводником пассажирки не обратили внимания: все равно не было никакого смысла на десять минут сходить в очередном городке. Обе они договорились, что будут ехать в поезде ровно столько, сколько будет возможно. Общим мнением стало то, что повстречать какого-нибудь призрака прошлого здесь было гораздо менее вероятно, чем, скажем, на приснопамятной «дороге из желтого кирпича», как ее окрестила Дэш. Хотя, строго говоря, они и сейчас находились на ней.

За окном степь сменилась уже привычным пейзажем полузаброшенного города. Транспортные развязки, казалось, совершенно ненужные в такой глуши. Многопутный вокзал, где большинство рельсов уже утратили стальной блеск и покрылись рыжеватым налетом ржавчины.

Но парочка путей все же выглядели если и не новыми, то явно не заброшенными: сталь рельсов не была покрыта ржавчиной и насыпи выглядели вполне надежными.

– Мне вот интересно, – сказала Рейнбоу Дэш. – Кто тут следит за всем? Все же развалится без ухода.

– Я думаю, – сказала Гайка, – что тут все не так просто. И со временем, и с пространством.

– Ветшает только то, чем не пользуются, – раздался от двери мужской голос.

Обе попутчицы вздрогнули и обернулись.

В дверях купе стоял мужчина-человек, одетый в поношенного вида плащ поверх костюма, широкополую шляпу и забитые пылью высокие сапоги. Длинные нечесаные волосы с проседью спадали до плеч, лицо тоже явно давно не имело близкого знакомства с бритвой. Единственный глаз пристально изучал путешественниц, и от этого взгляда обеим стало не по себе.

Но главное, на потертой кожаной перевязи висели две кобуры, в которых поблескивали серебристым металлом два револьвера архаичной конструкции.

– Твою ж мать, – вырвалось у Дэш. – Гайка, когда я в следующий раз попрошу какую-нибудь фигню вроде шляпы и револьверов, ты меня пни побольнее, хорошо?.. Гайка?!

Мышка, уже хотевшая что-то сказать, вдруг испуганно попятилась.

Потому что у ноги мужчины пристроился невероятных размеров черный кот ростом с Рейнбоу. Такого вида, будто побывал в зоне боевых действий: неровно растущая шерсть с проседью, залысины от когда-то чудовищных ожогов. И да, глаз у кота был тоже один.

Новые попутчики вошли в купе.

– Не беспокойтесь, – сказал человек. – Марузион не ест мышей. Тем более, разумных.

Кот же, не отреагировав ни на слова человека, ни на Гайку, попросту с места запрыгнул на одну из верхних полок и там устроился, свесив хвост.

– Я… – пегаска на секунду замялась. – Я Рейнбоу Дэш. А это Гайка.

– Алан, – человек приподнял шляпу на мгновение. – С вашего позволения, мы с Марузионом составим вам компанию на некоторое время.

– Мы не знаем, докуда едем, – заметила пони.

– Мы тоже. Хотя в Мире Дорог существует только одно направление.

Поезд дернулся, заставив уже собирающуюся ответить Рейнбоу прикусить язык в буквальном смысле. Поэтому Гайка успела первой, хотя голос ее звучал неуверенно:

– А… Вы знакомый Дэш?

Пони удивленно уставилась на мышку. Радужногривая пегаска была уверена, что одноглазый странник и его кот – из прошлого Гайки, как и Ловчий. Ее испуг в эту картину тоже хорошо укладывался.

– С чего ты взяла? – вопросом ответил Алан, кинув взгляд на пони, потом протянул. – А-а, понимаю. Нет, я не из вашего прошлого и даже не стану очередным испытанием. У нас свой Путь, так что мы вам не помешаем.

Дэш при этих словах облегченно вздохнула. Она уж была готова снова раскаиваться в грехах и признавать вину, лишь бы не смотреть в глаза очередному напоминанию о прошлой жизни. Здесь, в покое и романтике поезда, подобное было бы просто душераздирающим.

Но, кажется, одноглазый ковбой был не очередным подброшенным испытанием, а товарищем по несчастью.

Гайка, похоже, разделяла эту мысль, потому что облегченно вздохнула и улыбнулась.

…Стук колес уже вошел было в привычный ритм, как внезапно сквозь стены поезда проступили совсем другие образы.

Призрачные, будто голограммы, они пронеслись куда-то вперед по направлению движения.

Сперва гудящий электрическим двигателем локомотив, затем образы вагонов, совершенно непохожие на те, из которых состоял поезд Мира Дорог…

На мгновение в купе воцарялись голоса и образы людей, нелюдей, какие-то неясные обрывки жизненных эпизодов.

Ни Гайка, ни Дэш не утратили ориентации в пространстве, благо одна была натренирована в фигурах высшего пилотажа и акробатике, а вторая прошла курс подготовки диверсанта.

Тем не менее у пони встали дыбом грива и перья, а мышка вжалась в прохладное стекло окна то ли от неожиданности, то ли еще от чего.

И дело было даже не в испуге, а просто образы промелькнувших перед глазами жизней и судеб оказались настолько яркими и всеобъемлющими, что потрясали до самой глубины души.

А на месте Алана и Марузиона сгустились тени, как будто на мгновение превратив попутчиков в бесплотные силуэты, подобные тем, что составляли некоторую часть пассажиров.

Призрачный поезд пронесся по тем же путям, на которых набирал скорость поезд настоящий. Все заняло буквально несколько секунд, да и как могло быть иначе на такой скорости? Мираж тянул мощный электрический локомотив, в то время как Дэш и Гайка были пассажирами какого-то древнего пыхтящего дизеля…

…Дэш как будто сама чувствует, когда Соарин слегка кусает ее за ушко под веселое хихиканье Скуталу:

– Не спи, Дэши, замерзнешь! О чем задумалась?

Лазурная пегаска со смехом освобождается и говорит:

– О том, что все хорошо заканчивается…

Поезд летит навстречу новой жизни для всех, и все трое сейчас – просто счастливы…

…Мимолетные образы прекратились также неожиданно, как и начались.

Гайка помотала головой, чтобы в туманящем взоре вновь увидеть Алана и взъерошенного Марузиона, а еще – выбегающую из купе Рейнбоу Дэш.

Мышку словно окатили холодной водой. Она живо представила себе, как тщетно охваченная ложной надежой пегаска пытается догнать видение.

Гайка и сама увидела такое, что сердце сжималось от глухой тоски при одной мысли о собственном счастье где-то в Зеленом секторе Гигаполиса. В безопасности и достатке на ранчо, в обществе Джерри, что отказался от фамилии Фитцжеральд…

Отмахнувшись от мыслей, она соскочила со стола и, провожаемая взглядами человека и кота, выбежала следом за пони. Поезд при этом качнулся, и тяжелая дверь купе чуть не прищемила миниатюрную мышку, но Алан успел придержать створку.

Гайка же не обратила на это внимания, а скорее всего, просто не, будучи поглощена чувствами.

Выбежав в коридор, она крикнула вслед убегающей пегаске, что было сил:

– Дэш, это всего лишь морок, видение. Этого не было!

Она не очень-то рассчитывала на ответ, но пони притормозила и обернулась:

– Я знаю, что я видела! Нам надо туда!

Гайка, подбежав, положила ладонь на ногу пегаски:

– Это испытание, неужели после всего ты не понимаешь?

– Наплевать! – вдруг взорвалась Рейнбоу, и сквозь новый образ будто вновь проступила Дэш Вендар. – Я только что видела то, о чем всегда мечтала и от чего я однажды отказалась по собственной глупости. Второй раз я подобной ошибки не допущу!

Гайка, которой до смерти хотелось вернуть ту пони, которая, казалось, совсем недавно выползла из раковины злобной агрессии, почти крикнула, чтобы заглушить слезы:

– Нет! Только и слышу от тебя: «я, я, я»! Я тоже умерла, если ты забыла! Я погибла ради тех, кто мне был дорог. Я тоже все потеряла и иду по этой чертовой Дороге не потому, что мне так этого хочется, а потому, что если я этого не сделаю, то ты обхватишь себя копытами и опять начнешь думать о том, что ты тут делаешь и за что тебе все это!

– С дороги! – прорычала Дэш и, развернувшись, поскакала вперед по коридору вагона, едва не наступив на Гайку.

Мышка, естественно, еще что-то кричала вслед, но пони не слушала.

– Соарин! Соарин! – раздался удаляющийся по коридору голос.

Пегаска проскакала по коридору вагона, чтобы быть подхваченной сильными руками проводника у самого выхода в тамбур.

– Пусти! – зарычала Дэш, пытаясь вырваться и даже забыв о том, что ее сейчас держат человеческие руки. – Пусти меня!

– Нет! – резко сказал старик. – Это – Поезд Несбыточного. Он просто показывает образы, питая их твоим прошлым. Его нельзя догнать, в него нельзя сесть, забудь!

Пегаска наградила проводника чувствительным ударом под колено, после чего вырвалась и распахнула дверь, ведущую к локомотиву...

Встречный ветер ворвался в тамбур. Впереди был только глухо рычащий тепловоз. Никакого обогнавшего их призрачного поезда не наблюдалось.

Заполнившиеся влагой рубиновые глаза повернулись к проводнику. Тот, потирая колено в дверях салона, только беспомощно улыбнулся.

– Я уже привык. Это больно, видеть то, что потерял навсегда. Но позволяет не забывать о том, что у любого выбора есть последствия.

Дэш отвернулась, стиснув зубы.

Она как будто заново пережила тот момент: Соарин Пишчек, любящий муж, и приемная дочка Скуталу. Та самая, едва не замученная собственнокопытно в «Пони-Плее» и нашедшая в себе силы не только простить, но и снова довериться с обезоруживающей детской непосредственностью. В ушах все еще звучал веселый смех и какая-то распеваемая дурацкая

песенка, в воздухе висел запах маффинов и вольт-яблочного джема…

В груди как будто мимолетно разлилась теплота, нашедшая выход в скупо прокатившихся по мордочке слезах.

Дэш прижала копыто к груди. Там, где лежало письмо от Соарина Пишчека, которое пегаска так и не решилась открыть.

В том несбыточном, сказочном мире не было места боли. Не было места Алексу Вендару и кровавой арене. Дэш подумала, что это, наверное, и есть любовь, когда ты счастливо несешь всякие глупости рядом с мужем и дочкой по дороге… куда?

Зубы сжались.

Радужная пегаска доподлинно знала, что видела себя, Рейнбоу Дэш Вендар, но все же это была не она сама. И та любовь тоже предназначалась не для нее.

Убийце и предательнице тоже не было места в том светлом будущем, но все равно до смерти хотелось снова ощутить это мимолетное счастье, пережить этот кусочек чужой жизни заново…

Рейнбоу не нашла в себе силы поверить словам Соарина и даже не решилась встретиться с ним в этом мире. Привыкнув ко лжи, не смогла поверить, хотя жеребец был наверняка искренен…

Проглотив вставший в горле ком, пони резко развернулась и пошла обратно к купе. Проходя мимо проводника, она невнятно буркнула извинения. Тот только ободряюще улыбнулся, хотя Дэш смотрела в другую сторону.

Гайка ждала посреди коридора, прислонившись к стене вагона и скрестив руки на груди.

Они обе вернулись в купе, по дороге еще успев услышать хлопок закрывающейся внешней двери. Никто не сказал ни слова.

Дэш с грустью вспоминала утреннее настроение, у Гайки тоже явно кошки на душе скребли. Она молча влезла на стол и уселась у окна, вновь уставившись на пейзаж за окном. Судя по застывшему взгляду, мышка глубоко погрузилась в собственные раздумья.

Алан и Марузион спокойно сидели на противоположных койках купе, и Рейнбоу была до крайности благодарна, что те не пытались лезть в душу, как все ранее встреченные обитатели Мира Дорог.

– Гайка, а что ты видела? – спросила Рейнбоу Дэш негромко, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

Мышка вынырнула из воспоминаний и тихо произнесла:

– Это не имеет никакого значения. Нас ждет дорога...

Дэш не выдержала. Лазурное копыто хлопнуло по столу, заставив всех вздрогнуть, а черного кота на верхней полке – открыть единственный глаз и с интересом уставиться на пони.

– Ненавижу! – в сердцах выдала Рейнбоу. – Даже не знаю что хуже: когда меня избивали хлыстом и насиловали, или же это, когда раз за разом устраивают эти садистские игры на нервах!..

Она вдруг осеклась, видя, как Гайка молча сидит и не смотрит в ее сторону.

– Ты чего? – осведомилась Рейнбоу, потом спохватилась. – Я тебе сделала больно в коридоре?..

– Сделала, – холодно оборвала мышка, продолжая смотреть в сторону, – только не физически.

– Не поняла?

Мышка подняла на Дэш взгляд голубых глаз.

– Ты просила, чтобы я тебя не бросала, но сама чуть не сбежала! – резко сказала она. – Снова! Как там, в бане! Хотя обещала этого не делать…

В голосе мышки послышались слезы. Она резко отвернулась, спрятав мультяшное личико в ладонях от переполнивших чувств.

Рейнбоу фыркнула:

– Пф! Если ты такая умная и рассудительная, могла бы в клинике меня предупредить, а не драпать, сломя уши, от Ловчего. Который еще там тебя настиг, как оказалось. Может, я и вправду тогда смогла бы поговорить с Соарином, но нет. Так что не надо мне тут о побегах…

Гайка не ответила и только обхватила себя руками, будто замерзнув.

Пегаска было собралась сказать еще какую-нибудь колкость, но вдруг краска стыда залила ее мордочку от осознания того, что мышка права.

Дэш, сосредоточившись на собственных комплексах, попросту пренебрегла чувствами подруги в критический момент. И действительно нарушила свое обещание, причем неоднократно.

Захотелось попросить прощения, но что-то подсказывало ей, что простого «Прости» тут будет явно недостаточно.

Рейнбоу Дэш вдруг поняла, что совершенно не знает, как себя сейчас вести. Да, она знала из прошлой жизни, как и чем нужно всегда отвечать на оскорбления. И как можно плевать на эти самые оскорбления, раздавая их окружающим.

Но обида… Она не знала, что делать, если обидела того, кто стал дорог. Кого ты и в мыслях не думаешь ударить или даже накричать… теперь.

И даже встреча со Спитфаер не особо помогла в этом плане. Там был крик души, а здесь… здесь нужны были слова, но слов не было.

Рейнбоу Дэш отвернулась к стене. Она изображала спокойствие, но при этом ее чувства были в полном смятении.

Тем временем лежащий на верхней полке черный кот Марузион неспешно и даже как-то лениво сполз вниз, едва не грохнувшись на пол. Но как-то извернулся и оказался на одной полке с Аланом. Взмахнув хвостом, он заехал по лицу сидящему человеку.

Тот удивленно встретился взглядом с котом, потом снова поглядел на Дэш с Гайкой.

Марузион еще раз стеганул его хвостом и даже коротко что-то прошипел, после чего человек решился-таки подать голос:

– Впереди нас всех ждет еще долгий путь, и каждому из тех, кто едет в этом поезде есть, о чем сожалеть. Но стоит ли бросаться в лицо друг другу взаимными обвинениями и лишний раз бередить старые раны? Как по мне, этот мир и так достаточно преуспел в том, чтобы пробудить наши самые жуткие страхи и переживания… не вижу смысла все это множить.

Дэш, которая хоть и успокоилась немного после слов Гайки, вновь почувствовала гнев.

Все же полез! А так хорошо сидел и, главное, молчал!

Пегаска, хотя и не без усилий сдержавшись, спросила, не поворачиваясь:

– А ты вообще кто такой, чтобы давать подобные советы?

– Прошу прощения, по-видимому, мне стоило представиться более полно, – человек улыбнулся мышке и пони, – меня зовут… впрочем, мое полное имя вам все равно не скажет ничего определенного. И за человека, и за любое другое существо, лучше всего говорят его поступки. А мои поступки таковы, что во множестве миров я получил прозвище «Палач».

Дэш не ответила, но тут голос подала Гайка:

– Простите, но немного странно выглядит желание человека с таким вот прозвищем давать советы…

Пегаска же, притворившись ушедшей в себя, только подумала:

«Убийца уже был, теперь палач… кто дальше? Маньяк-некро-педо-зоофил?»

Захотелось спросить это вслух, но, вспомнив о своей фразе про шляпу и пистолеты, Рейнбоу прикусила язык.

Не хватало еще что-нибудь накликать.

Мужчина погладил улегшегося на нижнюю полку Марузиона, на что тот не обратил никакого внимания, и сказал:

– Именно человек с таким вот прозвищем и будет давать советы. А вот повстречайся вам какой-нибудь «богоизбранный спаситель», он бы уткнулся в свои священные писания и не обращал бы внимания на ссору говорящих пони и мыши, потому что его вера отрицает существование подобного. Или стал бы судить вас за прошлые грехи.

Дэш все больше раздражал этот человек, который говорил таким покровительственным тоном, но она не подавала виду, что слушает. Даже ухом не дернула.

Гайка сказала, вздохнув и глядя в окно:

– Самый строгий судья – всегда ты сам. Никакой… инквизитор не справится лучше.

Алан кивнул:

– Согласен. И в Мире Дорог – у каждого своя ноша вины…

Дэш вдруг раздраженно развернулась на полке и с прищуром посмотрела на человека. Спрыгнула напол, подошла к сидящему Алану и, привстав на задние ноги, спросила, заглядывая в глаза:

– Знаешь, что я сделала с человеком, что учил меня жизни?

– Догадываюсь, – Алан достал самодельного вида сигарету и закурил, не спрашивая разрешения. – Убила.

Рейнбоу промолчала, закусив губу, а человек достал вторую самокрутку и протянул поняше:

– Закуришь?

Та лишь мельком глянула на сигарету, но затем опять вперила взгляд в человека:

– Скажешь, я была неправа?

– Не права? Отнюдь. Жизнь научила меня одной простой истине – любое решение, которое ты принимаешь – верное. Просто за некоторые тебе приходиться платить. Вот, к примеру, ты убиваешь страшную ведьму, что похищала младенцев, а затем их ела. Как думаешь, это правильный поступок?

– Да! – ни секунды не раздумывая ответила пони.

– А вот мужчины из соседней деревни считают иначе. Ведь они ходили к этой ведьме за плотскими утехами, а что до младенцев, так последние исчезали не так уж часто, к тому же можно еще нарожать. И с их позиции ты поступил неправильно и, следовательно, получил вилами в брюхо.

Снова подала голос Гайка, что внимательно слушала:

– Поэтому вас и прозвали палачом.

Алан с улыбкой кивнул:

– Твоя подруга зрит в корень. Да… жуткие чудовища, которые после смерти превращались в принцесс. Кучка бандитов, которые на деле оказывались группой повстанцев, сражающихся против барона-узурпатора. Вооруженные до зубов убийцы, вырезающие детенышей людей-ящеров, оказываются героями, нанятыми местным бургомистром. И схожие случаи, которые научили меня одной простой вещи – любое твое действие или бездействие всегда будет нести последствия. Порой хорошие, а порой и дурные. Так что поступай согласно своей совести, а уж о «благодарных» крестьянах будешь думать потом.

Но Рейнбоу было так легко не пронять. Она усмехнулась и сказала:

– Давай-ка, умник, объясни, с какой стороны прав был тот подонок, что меня вырастил, сделав из маленькой пони гладиатора-убийцу, а по совместительству игрушку для утех себе и своему приятелю.

– Человек, с которым ты жила? – уточнил Алан. – Ну смотри, вот тебе еще история. Был такой средневековый мир, название которого вам ничего не скажет, да и я сомневаюсь, что там еще

хоть кто-то жив. Так вот, там была дыра в земле, которая порождала разного рода кошмары. И люди обратились за помощью к магам. Последние прикинули, как им будет удобно, и прибегли к магии крови. Раз в месяц они приносили в жертву девственницу, дабы поддерживать защитные заклинания. Люди могли жить спокойно и сытно, а чудовища не могли прорваться через барьер. Так продолжалось до тех пор, пока в город не пришел одинокий путник.

– Это были Вы? – спросила Гайка.

– Точно, я.

– И что же ты сделал? – уточнила Дэш.

– Спас девушку, – человек затянулся сигаретой, – и убил магов, которые ее собирались разделать заживо на алтаре.

Повисла пауза. Алан обвел взглядом ошарашенные мордочки пони и мышки. Снова затянулся сигаретой и задумчиво проговорил:

– Неважно то, что считают нормой в том месте, в котором ты окажешься. Важно слушать свое собственное сердце. Оно подскажет тебе верный путь.

– Дай закурить, – протянула пегаска копыто. – Тоже мне, герой. И что эта история имеет общего со мной? Меня никто не приносил в жертву на алтаре.

Алан снова достал и дал Рейнбоу вторую самокрутку, после чего поднес тихонько лязгнувшую серебристую зажигалку. Дождавшись, пока Дэш раскурит и отойдет на место, убрал огонек.

И хотя Алан и заметил, что с отвычки Рейнбоу едва не закашлялась, вида не подал.

– Телом нет, – сказал он, наконец, – а душу распяли на алтаре и уже занесли жертвенный нож. Однако ты оказалась сильнее этого, в противном случае мы бы не сидели тут и не беседовали, как считаешь?

Гайка, закашлявшаяся от удушливого дыма, неодобрительно поглядела на Дэш. Та, покосившись на мышку, сказала:

– Вот только ляпни что-нибудь про никотин и лошадь, – она повернулась обратно к человеку. – Ни хрена ты обо мне не знаешь, советчик сеноголовый. Откуда бы тебе знать, что двигало мной? Я бы все равно сдохла с ножом в груди, а так хоть с пользой и не под забором, покинутая и никому не нужная… как большинство остальных синтетов.

Говоря это, Дэш кривила душой. Ей тогда и вправду хотелось красивого жеста, но причина

заключалась в другом: самостоятельное решение, без указки Алекса, мистера М или еще кого.

А еще – хоть частичное искупление содеянного ранее по злобе и глупости.

Тем временем собеседник улыбнулся теплой, располагающей улыбкой:

– Взгляни на всех тех, кто попал в этот удивительный мир! Все они, и те, кто решил остаться, и те, кто идут по Дороге судьбы, умерли ради кого-то. Ради какой-то светлой цели, неважно изменила ли она жизнь целого мира или… – лицо человека слегка омрачилось, – всего лишь одной маленькой девочки. Но важно то, что в тот самый момент ты чувствовала, что поступаешь правильно… или что-то похожее.

Рейнбоу, с трудом удержавшись от удивленного возгласа во время рассказа, только попыталась совладать с собой.

Перед глазами будто вживую встал образ лежащей в луже без сознания рыжей пегасенки, только что получившей по носу подкованным копытом.

Снова стало противно и стыдно.

Гайка же спокойно возразила:

– Не все здесь умерли. Мы встретили много местных, которые тут родились и живут.

Дэш раздраженно затянулась сигаретой и выпустила к потолку струйку дыма:

– Ну, если это и вправду-таки «тот свет», какого сена мне еще куда-то надо переться? Я уже видела свет, видела белые крылья, где, мать вашу, мой вечный покой? Или это ад? Мне так дают понять, что я недостойна другой загробной жизни и раз за разом возят мордой по собственному прошлому?

Алан усмехнулся, а Дэш всерьез задумалась, не начать ли все же копытоприкладство и членовредительство.

– Ад, да? Это тот, что с демонами и проклятыми душами? Не очень-то похоже. Скорее, это перевалочный пункт, мир испытаний если хочешь. Вот скажите, вы ведь уже встречали призраков прошлого? И я не про то видение, что пронеслось мимо нас пару минут назад, а о тех, кто по той или иной причине погиб, дабы вы могли жить дальше. Пусть косвенно, пусть мимолетно, но приложил к этому руку.

Дэш вздохнула.

– Теперь многое встает на свои места, – сказала она, – разве что иногда встречаются личности непонятные и никак не связанные с прошлой жизнью… Что ты на это скажешь?

– Скажу, что Мир Дорог ведет по Пути не только вас, и для кого-то вы тоже – мимолетная и непонятная встреча, смысл которой зачастую становится ясен позже. Причем иногда только кому-то одному из участников.

Дэш в задумчивости отвела взгляд. Теперь вся система теперь выглядела более-менее отлаженной. И хотя об этом говорил чуть ли не каждый встречный, только сейчас картина приобретала целостность.

В душе вновь шевельнулась глухая обида на тех, кто мог, теоретически, стоять за всем этим. Беспощадно вытаскивать на свет все то, что Рейнбоу даже для себя самой пыталась запихнуть поглубже, в самые темные закоулки души…

И то, что там еще оставалось, наполняло сердце пегаски страхом и отчаянным желанием избежать очередного испытания.

Она спросила, так и не глядя на Алана:

– Нам ведь не отвертеться от этого, да?

– Только остановившись, – ответил тот, – но раньше или позже ты пойдешь дальше. Подтолкнет тебя к этому мимолетная встреча с другим Идущим, какой-нибудь внешний фактор вроде погоды или даже банальная скука. Могут пройти бесчисленные годы для тебя, но как вы уже, наверное, поняли, время тут также нелинейно. О пространствах даже говорить не надо.

– Я не хочу, – тихо сказала Дэш, чувствуя, как ее глаза начинает противно щипать. – Это… это жестоко, заставлять меня столько раз оглядываться назад.

Человек по прозвищу «Палач» только беспомощно развел руками:

– Я не знаю всех ответов, маленькая пони. В Мире Дорог они содержатся только в одном месте.

– Угу, – буркнула Рейнбоу, – нам говорили.

– Именно, – Алан кивнул.

– Все ответы – там, – подала вдруг голос Гайка, заставив Дэш испуганно вздрогнуть и обернуться.

Поезд стремительно вылетел на колоссальной высоты стальной виадук, нависающий над узким заливом со скалистыми берегами.

Красное солнце висело над раскинувшимся бескрайним морем, и от открывшегося пространства захватывало дух. В приоткрытую форточку ворвался морской бриз и принес запахи влаги, соли и йода. Откуда-то донесся крик чайки…

А еще – мерное урчание какого-то мотора, вклинившегося в стук колес, и гуляющее между ажурных конструкций эхо движения поезда.

Вскоре под мостом пролетел архаичного вида гидроплан с единственным пропеллером, вынесенным над крыльями на опорах. Самолет был ярко-красным, то ли от вульгарного вкуса пилота, то ли просто от света гигантского светила. Сделав бочку, самолет полетел в сторону моря, где стал виден небольшой скалистый остров с венчающим его маяком.

Но внимание привлекало вовсе не все это.

Из закрывающей горизонт дымки возвышался ОН.

Белый Шпиль, о котором Дэш уже неоднократно слышала, и который действительно невозможно было спутать ни с чем.

Теперь она понимала, почему.

Тонкая спица белоснежной даже в красном свете солнца башни возвышалась до самых небес. Судя по расстоянию, его высоте могли бы позавидовать даже высочайшие башни Белого Города в Европейском Гигаполисе, и в своей величественной неподвижности эта постройка казалось самой осью мира…

Впрочем, Рейнбоу подумалось, что это будет не слишком далеко от истины.

Пони почувствовала, как к горлу подскочил комок, перехватывая дыхание. Она была уверена, что и Гайка видела и испытывала то же самое…

– Всегда было интересно, а каково это?.. – вернул Дэш из реальности вопрос «Палача» Алана.

Дэш уточнила, не отрывая взгляда от медленно плывущего за окном Шпиля:

– Каково что?

Алан показал на удаляющийся в сторону моря самолет:

– Иметь крылья. Когда можешь просто взять и воспарить над всем этим миром.

Рейнбоу Дэш сжала зубы. Понятное дело, временный попутчик спросил это не со зла и наверняка не знал о беде радужной пегаски.

Но все равно, вопрос больно задел лишенную возможности летать поняшу. Кроме того, Алан, похоже, ждал ответа на свой вопрос.

Раньше Дэш, пожалуй, все же не удержалась бы от того, чтобы броситься в копытопашную. Но теперь, многое пройдя в этом мире, она уже понимала, что таким образом проблем не решить. Да и потом самой будет стыдно.

Кроме того, пегаска отнюдь не была уверена в победе над еще одним профессиональным убийцей, к тому же в союзе со здоровенным котом.

– Представь себе, – сказала Рейнбоу тихо и не смотря на Алана, – чувство абсолютной, пьянящей свободы. Легкость, от которой с непривычки кружится голова. Свистящий в ушах ветер, который чувствуешь каждой клеточкой тела… Прибавь к этому скорость и осознание того, что расстояние подвластно тебе… И будешь иметь дискордову бледную тень истинных чувств от этого.

– Алан, – сказала Гайка, показывая в окно, – это ведь Шпиль, да?

– Скорее всего, – отозвался тот, – я его не вижу, так что это вы близки к концу своего пути, а не я.

Рейнбоу и Гайка одновременно уставились на человека вопросительными взглядами.

Тот пояснил:

– Белый Шпиль является только тем, кто заканчивает путь, – пояснил Алан. – Тот, кто еще не готов, пройдет в двух шагах от него и даже не узнает об этом. Кроме того, как вы понимаете, девочки, Шпиль – это не та вещь, которая привязывается к конкретному месту и пространству…

– Откуда ты вообще такой умный взялся, раз ты тоже Идущий? – сварливо спросила Дэш, скрестив на груди передние ноги. – Давно в этом мире маешься?

Алан пожал плечами:

– Неделя, месяц, год? Не знаю. Как вы сами могли убедиться, время тут течет иначе, нежели в тех мирах, где мне довелось побывать. А что до того…

– Ты хочешь сказать, – перебила радужная пегаска, – что шатался по разным мирам, будто это соседние улочки?

Алан, казалось, смутился, а Марузион, изменив позу, зыркнул на пони единственным глазом, но этим и ограничился.

– Вроде того, – наконец выдал человек.

Дэш на него пристально посмотрела и спросила, прищурившись:

– И каково это, Палач, быть везде чужаком? Не иметь собственного пристанища, которое осталось в недосягаемой дали другого мира?

Алан вздохнул и посмотрел в окно, прежде чем ответить:

– Пока я был молод, я даже не думал об этом. Удивительные миры, иные страны и континенты, причудливые существа, а потом… Потом начинаешь ощущать одиночество по тем, кого потерял. Не важно, была ли тому причиной обида, смерть или же просто продолжение пути. Оттого и появляется желание найти место, которое можно назвать домом и тех, кого можно назвать друзьями, второй семьей.

– Значит, все же есть место сожалению в душе Палача, да? – спросила Гайка.

Рейнбоу же усмехнулась, придавая себе насмешливый вид, но ее уши грустно опустились, выдавая истинные чувства пони:

– А что же нам до этого втирал тогда?

Алан покачал головой и грустно улыбнулся:

– Сожалению всегда найдется место. Другое дело, что если будешь раз за разом возвращаться в прошлое, то оно сожрет тебя изнутри, – он вдруг перевел взгляд на Гайку. – Я видел это. Жуткое зрелище.

Мышка вздрогнула, но ничего не ответила, лишь в голубых глазах промелькнул страх.

Алан же продолжил:

– Именно поэтому стоит относиться ко всему совершенному тобой, как к правильным поступкам, сколь ужасны они бы ни казались окружающим. И если окажешься неправ, и за все это придется заплатить, то это случится потом, а не сейчас.

– Но именно это и происходит! – возмущенно воскликнула Дэш. – Мы с Гайкой расплачиваемся за все сейчас!

– Расплачиваетесь или сбрасываете тяжелый груз с души? – уточнил Алан.

Рейнбоу и мышка переглянулись, а поезд тем временем вновь стал тормозить.

Пегаска снова посмотрела на человека и спросила:

– Мне вот интересно. Нам все говорят, что в Мире Дорог никто не носит оружия. Хотя нож у меня никто не отнимал, а у тебя вон целых два револьвера. Что на это скажешь? Может, ты их и в дело пускал, а?

Алан только махнул рукой:

– А, они не заряжены. Барабаны опустели еще в том мире, откуда я попал сюда, а тут… тут я не нашел ни одного патрона.

– И на хрена таскаешь тогда?!

– Они мне дороги как память. Знаешь, так бывает, что какая-то вещь напоминает тебе о друге, которого давно нет с тобой?

Настал черед Рейнбоу ощутимо вздрогнуть от будто бы невзначай оброненных слов, но дальнейший диалог прервал разносящийся по вагону голос проводника:

– «Сумеречный залив»! Остановка «Сумеречный залив», подъезжаем! Стоянка пять минут! Пять минут стоим на «Сумеречном заливе»!

Рейнбоу посмотрела на окно, за которым медленно проплывал Белый Шпиль, затем встретилась глазами с Гайкой.

Железная дорога шла дальше по прямой, и ни у кого не возникло сомнений, что если они не покинут комфортабельный вагон, то белый Шпиль останется в стороне.

– Кажется, для кого-то настало время выбора? – осведомился Алан, в то время как задремавший было Марузион поднял голову и тоже уставился на попутчиц зеленым глазом.

Черный кот как будто задавал тот же самый вопрос.

Рейнбоу Дэш, снова посмотрев на Белый Шпиль, почувствовала, как у нее в груди поднимается

чувство сладостного предвкушения.

«Финишная прямая, Дэши, – сказала пегаска себе мысленно, потом усмехнулась, – ну что, скоро настанет время ответов… и молите своих богов, или кто тут есть, чтобы мне эти ответы понравились!»

Она оглянулась на Алана и вдруг улыбнулась. Кто-нибудь сказал бы, что эта улыбка совсем не походила на кривую усмешку гладиатора Рейнбоу Дэш Вендар.

– Выбор давно уже сделан… Спасибо, что ли?

Алан пожал плечами:

– Я ничего такого не сделал, – сказал он. – Удачи вам, девочки.

– И тебе удачи, – сказала Гайка искренне. – Найди скорее тоже Белый Шпиль…

…Сборы были недолгими: Рейнбоу Дэш даже особо не разбирала походную сумку, а больше вещей у путешественниц и не было.

Когда же за ними закрылась дверь купе, Алан обернулся ко все так же лежащему на полке Марузиону и спросил:

– Ну, и что ты молчал?

Марузион наградил человека укоризненным взглядом и отвернулся к стенке. Алан погладил его.

– Ничего, старый друг, – сказал человек. – Когда-нибудь и мы увидим этот Белый Шпиль. Вот увидишь.

– Уж поскорее бы, – недовольно ответил кот хрипловатым басом, не поворачиваясь. – За ухом почеши…

http://tl.rulate.ru/book/82091/2554373